

ПОЛ КОЛЛИЕР

БУДУЩЕЕ КАПИТАЛИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Пол Коллиер

Будущее капитализма

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2018

УДК 339.7
ББК 65.018

Коллиер П.

Будущее капитализма / П. Коллиер — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2018

ISBN 978-5-93255-601-6

В своей страстной и полемической книге известный экономист Пол Коллиер намечает весьма оригинальные и морально обоснованные способы борьбы с новым расслоением общества — экономическим, социальным и культурным, — но делает это не с жаром «новых старых» идеологов, а с прагматической трезвостью. Он пишет и о том, как разные формы этого расслоения проявились в его собственной жизни: юноша из рабочего города Шеффилда поступил в Оксфорд, а половину своей профессиональной жизни он провел не в Великобритании, а в Африке. В этой книге он также признает некоторые «ошибки и пропуски» своего профессионального цеха. Развивая как собственные рецепты, так и идеи некоторых из наиболее видных мировых ученых, работающих в сфере социальных наук, он показывает нам, как спасти капитализм от него самого, а нам — сбросить интеллектуальный багаж XX века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 339.7

ББК 65.018

ISBN 978-5-93255-601-6

© Коллиер П., 2018

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2018

Содержание

Часть I	5
1	5
Часть II	21
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Пол Коллиер

Будущее капитализма

*Посвящается Сью
Такие разные жизни.
Такие похожие тревоги*

Часть I

Кризис

1

Новые тревоги

Страсть и прагматизм

Наши общества раскалывают глубокие трещины. Они рождают в людях новые тревоги, гнев и возмущение и заряжают нашу политическую жизнь новыми страстями. На форму, которую принимают эти тревоги, оказывает влияние то, где живут люди, какое у них образование, а также их представления о морали. Это бунт провинций против центра, севера Англии против Лондона, внутренних областей страны – против прибрежных регионов. Это бунт менее образованных слоев населения против более образованных, трудящихся, с трудом сводящих концы с концами, против «ловкачей», «проныр» и «охотников за рентой». Если раньше революционной силой в обществе был рабочий класс, то теперь в этой роли выступают малообразованные провинциальные работяги: *санкюлотов* (sans culottes) сменил *крутой Санс* (Sans cool)¹. Что же вызывает гнев этих людей?

Новые обиды и новое недовольство получили географическое измерение. Долгий период сокращения экономического разрыва между разными регионами мира сменился эпохой его быстрого нарастания. И в Северной Америке, и в Европе, и в Японии столичные области сильно обгоняют по темпам роста остальные регионы. Главные городские агломерации не только богатеют намного быстрее провинций, но отрываются от них в социальном отношении, переставая быть похожими на страны, столицами которых они часто являются.

Но и в пределах динамично развивающихся столичных центров эти невероятные экономические преимущества распределяются крайне неравномерно. Новый преуспевающий класс – это уже не капиталисты и не традиционные рабочие: это образованные люди, освоившие новые профессии. Они составили новый класс, члены которого, знакомясь друг с другом в университетах, выработали новое общее самосознание. Люди этой группы уважают знания и профессионализм. Они выработали даже свою особенную мораль, в которой принадлежность к этническим меньшинствам и сексуальная ориентация позволяет говорить о существовании особых групп, описывающих себя в качестве «жертв». Такая характерная для них забота обо всех притесняемых и социально ущемленных дает им в их собственных глазах моральное превосходство над менее образованными слоями населения. Сформировавшись в новый правя-

¹ «Санкюлоты» – название представителей революционной бедноты эпохи Великой французской революции. Sans Cool – персонаж популярной видеоигры Undertale. – Прим. пер.

щий класс, представители этого образованного сословия доверяют государству и друг другу более, чем когда-либо прежде.

В то время как положение образованного сословия стремительно улучшается и тянет за собой общенациональные экономические показатели, менее образованные слои населения, будь то в столичных центрах или в других регионах, находятся сегодня в кризисе и уже получили пренебрежительную кличку «белого рабочего класса». Болезненный процесс упадка начался с постепенного исчезновения содержательных и интересных профессий. Одни профессии, не требующие высокой квалификации, в результате глобализации ушли в Азию, многие другие просто отмирают в результате технологических сдвигов. Потеря рабочих мест особенно сильно ударила по двум возрастным группам: работникам старших возрастов и тем, кто ищет работу впервые.

Потеря работы лицами старших возрастов часто оборачивается распадом семей, ростом наркомании, алкоголизма и семейного насилия. В Америке вызываемый этим надлом и чувство утраты смысла жизни проявляется в *снижении* продолжительности жизни представителей белого населения, не получивших высшего образования; это происходит на фоне беспрецедентного прогресса медицины, обеспечивающего быстрый рост продолжительности жизни для более привилегированных групп². В Европе эти крайности удалось несколько сгладить благодаря наличию систем социальной защиты, но и здесь эти симптомы столь же широко распространены, и продолжительность жизни населения большинства депрессивных городов, таких как Блэкпул, также снижается. Тем, кому сегодня за пятьдесят и кто ощутил себя лишним в этой жизни, приходится пить из горькой чаши отчаяния. Но немногим лучше оказывается и судьба молодых людей, не получивших нормального образования. Во многих странах Европы перед молодежью встает угроза массовой безработицы: сегодня не имеют работы треть молодых итальянцев, и последний раз столь высокий уровень безработицы наблюдался только в период Великой депрессии 1930-х годов. Опросы показывают беспрецедентный рост пессимизма среди молодежи: большинство молодых людей считают, что будут жить хуже своих родителей. Эти страхи вряд ли можно считать беспочвенными; в последние четыре десятилетия экономическая эффективность капитализма снижалась. Глобальный финансовый кризис 2008–2009 годов выявил это наиболее наглядно, хотя этот пессимизм постепенно нарастает еще с 1980-х годов. Главное достоинство капитализма – его способность обеспечивать устойчивый рост уровня жизни для всех – оказалось под вопросом. Он по-прежнему дает возможности реализации определенным людям, но оставляет очень многих на обочине. В Америке, которая считается воплощением капитализма, половина тех, кто родился в 1980-е годы, живет хуже (в абсолютных показателях), чем жили их родители в их возрасте³. Капитализм не дает им шансов. Если принять во внимание огромный прогресс в развитии технологий и всей системы общественных отношений, наблюдающийся после 1980 года, такой результат выглядит просто поразительным. Этот прогресс, ставший возможным именно благодаря капитализму, делает вполне реальным существенное повышение уровня жизни *для всех*. И однако большинство людей сегодня считают, что их дети будут жить хуже, чем жили они сами. Среди белых рабочих Америки этот пессимизм достигает поразительного уровня: 76 %⁴. Европейцы настроены еще пессимистичнее.

Раздражение и недовольство менее образованных классов смешаны со страхом. Они видят, что образованное сословие отдаляется от них в социальном и культурном отношении, и понимают, что и эта дистанция, и появление групп населения, пользующихся приоритетом при распределении социальных пособий, ослабляют их собственные шансы на получение помощи.

² См.: Case и Deaton (2017).

³ Chetty et al. (2017).

⁴ Chua (2018), p. 173.

Их сомнения в надежности будущих социальных гарантий нарастают именно в тот момент, когда они становятся для них особенно важны.

Тревога, гнев и отчаяние сломали всю ткань политических симпатий и предпочтений людей, уничтожив их доверие к государству и даже друг к другу. Менее образованные слои составили основную массу избирателей, бунт которых обеспечил победу Дональда Трампа над Хиллари Клинтон в США и сторонников Брексита над сторонниками сохранения Британии в Европейском союзе, а также дал мятежным партиям Марин Ле Пен и Жан-Люка Меланшона более 40 % голосов на выборах во Франции (отбросив бывшую правящую партию социалистов за десятипроцентный порог), резко ослабил коалицию христианских демократов и социал-демократов в Германии и позволил крайне правой партии «Альтернатива для Германии» стать официальной партией оппозиции в бундестаге. К разделению людей по уровню образования добавилось разделение по географическому признаку. Противники выхода Великобритании из Евросоюза составляли значительное большинство жителей Лондона, большинство ньюйоркцев поддерживали Хиллари Клинтон, большинство парижан выступили против Ле Пен и Меланшона, а жители Франкфурта сторонились «Альтернативы для Германии». Волна радикальной оппозиции пришла из провинции. Хотя молодежь активнее участвовала в этом мятеже избирателей, это не было простым конфликтом старых и молодых. Крайние политические партии поддерживали не только люди среднего и старшего возраста, оттесненные на обочину жизни после того, как их профессии оказались невостребованными, но и молодые люди, впервые выходявшие на рынок труда, не сулящий им никаких радужных перспектив. Во Франции нетипично высокий процент молодежи поддержал крайне правые партии, принявшие новое обличье, в Великобритании и США нетипично высокий процент молодежи проголосовал за левые партии «нового образца».

Избиратели, подобно природе, боятся пустоты. Чувство раздражения и безысходности, порожденное пропастью между теоретически возможным и реальным положением людей, вывело на сцену два типа политиков, которые до этого находились в тени и ждали своего шанса: популистов и идеологов. Когда капиталистическая система начала давать перебои в прошлый раз, в 1930-е годы, наблюдалось то же самое. Тогда новые угрозы почувствовали Олдос Хаксли и Джордж Оруэлл, которые писали о них в своих романах «О дивный новый мир» (1932) и «1984» (1949). Казалось, что с окончанием холодной войны в 1989 году возникает реальная надежда на то, что все подобные катастрофы теперь позади, что мы подошли к «концу истории» и вступили в эпоху перманентной утопии. На самом деле мы стоим сейчас перед вполне реальной перспективой наступления нашей собственной очень своеобразной антиутопии.

На новые тревоги не замедлили отозваться старые идеологии, которые тащат нас назад, к неоправданно жесткой конфронтации левых и правых с ее затасканной терминологией. Идеология подсовывает нам соблазнительно простую комбинацию несложных моральных решений и очевидных истин и универсальный инструментальный анализ, сулящий верные ответы на любые вопросы. Возрождаемые сегодня идеологии: марксизм, родившийся в XIX веке, фашизм, возникший в XX веке, и религиозный фундаментализм, господствовавший в XVII веке, – давно принесли во многих странах свои трагические плоды. Поскольку все идеологии потерпели крах, они растеряли большинство сторонников, а политических идеологов, способных повести их к новому возрождению, почти не осталось. Уцелевшие принадлежали к крохотным осколкам прежних организаций – это были люди, слишком склонные к параноидальной психологии культа и обладающие слишком зашоренным сознанием, чтобы осознать всю реальность исторического краха их идей. В течение десятилетия, предшествовавшего падению коммунизма в 1989 году, последние марксисты, остававшиеся в мире, воображали, что они живут в эпоху «позднего капитализма». Сегодня память общества об этом крахе стерлась

настолько, что возникли условия для возрождения марксизма и книжные рынки наводнены новыми книгами на старую тему⁵.

В свращении масс с идеологами соперничает другая порода политиков: харизматические популисты. Популисты воздерживаются даже от элементарнейших логических построений идеологии и немедленно переходят к решениям, которые кажутся людям верными первые пару минут. Таким образом, их подход состоит в том, чтобы отвлечь избирателей от более серьезных размышлений, подсунув им вместо этого ряд ярких картинок. Лидеры, обладающие подобными талантами, приходят в политику совсем из другой области – из крохотного круга медийных знаменитостей.

Хотя популярность идеологов и популистов подпитывается тревогами и гневом, порожаемыми новыми разломами в обществе, они не в состоянии предложить людям реальный выход. Эти разломы – вовсе не повторение прошлого, а сложные новые явления. Однако применение на практике знахарских рецептов и снадобий, которыми с таким пылом торгуют эти политики, может принести колоссальный вред. Для болезненных процессов, развивающихся в нашем обществе, *есть* действенные средства, но их нельзя получить ни из морального пафоса идеологии, ни из спонтанных озарений популистов. Их можно выработать только путем строгого анализа фактов, требующего прагматической трезвости. Все решения, предлагаемые в этой книге, вполне прагматичны.

Но в ней есть место и для страсти, и она тоже пронизывает книгу. Каждая из трех трагических трещин, открывшихся в теле нашего общества, прошла и через мою собственную жизнь. Хотя я старался сохранить трезвую голову, они глубоко ранили мое сердце.

Я был живым свидетелем углубления новой трещины между процветающим столичным центром и депрессивными провинциальными городами. Мой родной Шеффилд стал хрестоматийным примером депрессивного города. Социальная деградация, которой сопровождался закат его металлургической индустрии, блестяще показана в фильме «Мужской стриптиз». Я пережил эту трагедию лично: наш сосед стал безработным, а один наш родственник сумел найти только одну работу: чистить туалеты. Сам я между тем перебрался в Оксфорд – город, ставший воплощением столичного успеха: квартал, где я живу сегодня, имеет самый высокий в стране показатель отношения цены жилья к уровню дохода жителей.

Я видел своими глазами пропасть в профессиональном росте и душевном состоянии между семьями, добившимися необычайного успеха в жизни и процветания, и семьями, которые проваливались в трясину бедности и распада. Когда мне и моей двоюродной сестре было по четырнадцать лет, мы шли с ней «нос к носу»: мы родились в один день, мы были детьми необразованных родителей и поступили по конкурсу в бюджетные средние школы с углубленным изучением различных предметов. Ее безоблачная жизнь закончилась с ранней смертью отца. Без авторитетной фигуры отца дела в семье пошли плохо. Еще будучи несовершеннолетней, она родила ребенка, и для нее началась обычная в подобных случаях череда ошибок, неудач и унижений. Я же быстро одолевал разные вехи на своем пути и, окончив школу с отличием, добился оксфордской стипендии⁶. Отучившись в Оксфорде, я работал на кафедрах Оксфорда, Гарварда и парижских университетов. Словно и этого было недостаточно для моей самооценки, правительство лейбористов удостоило меня ордена Британской империи, правительство консерваторов – рыцарского достоинства, а мои коллеги в Британской академии наградили меня

⁵ См., например: Mason (2015), Мейсон (2016), а также мой обзор недавней литературы на эти темы в: Collier (2017a).

⁶ Знаменитый британский сценарист Алан Беннет, как и я, родился в Йоркшире в семье малообразованных родителей. В его пьесе «Любители истории» рассказана история его детства, так похожая на мою: история юноши из простой семьи, пробившегося в Оксфорд. На самом деле он рос в Лидсе – более благополучном городе, чем Йоркшир, но, чтобы подчеркнуть размах социальной пропасти, которую сумел преодолеть его герой, он переносит место действия пьесы в мой родной город. Первый акт пьесы завершается словами героя, перечисляющего свои недостатки в виде вот такого крещендо: «Я коротышка. Я гомосексуалист. И я родом из Шеффилда!» Но это я, а не Беннет, родом из Шеффилда! Мало того, действие пьесы развивается в той самой школе, где я учился, так что, выходит, я даже более подлинный «любитель истории», чем сам автор.

медалью президента Академии. Однажды начавшись, расхождение жизненных путей приобретает свою собственную динамику. Дочери моей двоюродной сестры в семнадцать лет уже сами имели детей, а мой семнадцатилетний сын добился стипендии в одном из лучших учебных заведений страны.

Наконец, я видел своими глазами глобальный разлом: контраст между бурным процветанием США, Великобритании и Франции – стран, в каждой из которых я жил в полном комфорте, и отчаянной бедностью стран Африки, где я работаю. Выбирая свой жизненный путь по окончании университета, мои студенты, главным образом африканцы, оказываются в ситуации драматического конфликта. Один мой суданский студент, уже поработавший врачом в Великобритании, оказался в данный момент перед выбором: остаться в Великобритании или вернуться в Судан, где ему предложили работу в администрации премьер-министра. Он решил вернуться, но его случай – скорее исключение, и в Лондоне сегодня больше суданских врачей, чем в самом Судане.

Эти три ужасающие пропасти не просто предмет моего исследования, а трагедия, которая в конечном счете определила мое представление о собственной цели в жизни. Именно потому, что я хочу изменить это положение, я и написал эту книгу.

Триумф и разложение социал-демократии

Шеффилд – не такой уж примечательный город, но это лишь делает более прочными человеческие связи между его жителями. Когда-то эти связи были мощной политической силой. Именно в городах Северной Англии началась промышленная революция, и их жители первыми испытали новые страхи и тревоги, которые она породила. Осознавая свою общую принадлежность и привязанность к месту, где они выросли, жители городов, подобных Шеффилду, создавали кооперативные организации, помогавшие справиться с этими страхами и тревогами. Благодаря этой изначальной близости они смогли создать организации, которые позволяли на деле реализовать преимущества взаимной поддержки. Строительно-сберегательные кооперативы давали людям возможность накопить средства на покупку жилья; в другом йоркширском городе, Галифаксе, родилась организация, ставшая впоследствии крупнейшим британским банком. Кооперативные страховые общества позволяли людям ограничить свои риски. Объединяясь в аграрные и торговые кооперативы, фермеры и потребители могли лучше отстаивать свои интересы в отношениях с крупными дельцами. Из своей колыбели в Северной Англии кооперативное движение быстро распространилось на многие страны Европы.

Объединяясь в союзы, такие кооперативы стали почвой для создания левоцентристских политических партий – партий социал-демократии. По мере превращения больших человеческих сообществ в нации роль сложившихся в них отношений взаимопомощи еще более возрастала. Как и первые кооперативы, новые политические организации решали практические вопросы, связанные с повседневными заботами рядовых семей. В послевоенный период в разных странах Европы многие из таких социал-демократических партий пришли к власти и использовали ее для реализации вполне прагматических мер и реального решения вопросов, которые волновали население. Меры в области здравоохранения, пенсионного обеспечения, образования и поддержки безработных были закреплены в законодательстве и реально меняли жизнь людей. Они оказались настолько действенными, что были признаны в дальнейшем всеми партиями политического центра. Лево- и правопоцентристские политические партии сменяли друг друга у власти, но на эти меры никто не посягал.

Но сегодня социал-демократия как политическая сила переживает свой экзистенциальный кризис. В последнее десятилетие она потерпела длинную череду поражений. В Америке Хиллари Клинтон, представитель левоцентристских политических сил, сильно ослабленная Берни Сандерсом, проиграла Дональду Трампу; в Великобритании Лейбористская партия

Блэра и Брауна перешла под контроль марксистов. Во Франции президент Олланд даже не решился баллотироваться на второй срок, а сменивший его кандидат от Социалистической партии Бенуа Амон сошел с дистанции, набрав лишь 8 % голосов. Резко ослабили позиции социал-демократических партий Германии, Италии, Нидерландов, Норвегии и Испании. Казалось бы, такое развитие событий было на руку правоцентристским политикам, но и они потеряли контроль над своими партиями в Великобритании и США, а в Германии и Франции их электоральная база резко сократилась. Почему это произошло?

Дело в том, что социал-демократы как левого, так и правого толка ушли слишком далеко от своих начал – практической деятельности по организации взаимопомощи на уровне низовых человеческих сообществ – и перешли под контроль людей совершенно иного типа, добившихся непропорционально большого влияния: интеллектуалов из среднего класса.

Левых интеллектуалов привлекали идеи философа XIX века Иеремии Бентама. Его философия утилитаризма отделила мораль от ценностей, которые мы инстинктивно разделяем, и выводила ее из одного только принципа разума: поступок должен признаваться моральным, если он «приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей». Поскольку интуитивные ценности, которыми люди руководствуются в жизни, не дотягивают до этого «стандарта святости», обществу необходим авангард, состоящий из технократов с прочными моральными устоями, которые будут управлять государством. Такой патерналистский авангард, состоящий из блюстителей интересов общества, стал современной версией стражей из «Государства» Платона. Джон Стюарт Милль, еще один английский интеллектуал, выросший на идеях Бентама и также стоявший у истоков утилитаризма, читал «Государство» на древнегреческом, когда ему было всего восемь лет.

К сожалению, Бентам и Милль вовсе не были моральными колоссами нашего времени и не дотягивали до масштаба Моисея, Иисуса или Магомета. Оба были странными и довольно асоциальными типами. Поведение Бентама было настолько эксцентричным, что современные исследователи признают его аутистом и считают, что он был не способен испытывать чувство единения или общности с кем бы то ни было. У Милля тоже было мало шансов стать нормальным человеком: его намеренно изолировали от других детей, и он, пожалуй, был лучше знаком с жизнью Древней Греции, чем с обществом своего времени. При таких истоках утилитаризма не приходится удивляться, что этика его последователей сильно расходится с этикой остального человечества⁷.

Странные ценности Бентама не имели бы никакого особенного влияния, если бы они не проникли в экономическую науку. Как мы увидим ниже, способы объяснения человеческого поведения, которые выработали экономисты, оказались предельным развитием утилитаристской морали. Ното *economicus* – крайне эгоистичное и бесконечно корыстное существо, интересующееся исключительно собственной персоной, и именно такое представление о человеке легло в основу экономических учений о человеческом поведении. Но для оценки целесообразности мер государственной политики экономической науке нужен был какой-то измеритель совокупного благополучия таких психопатических индивидов («полезности»⁸ принимаемых мер). Утилитаризм стал интеллектуальным обоснованием этой арифметики: оказалось, что «наибольшее счастье наибольшего числа людей» удобно подсчитывать с помощью стандартных математических приемов максимизации. При этом предполагалось, что «полезность» обусловлена потреблением, причем дополнительное потребление приводит ко все меньшему приросту полезности. Если бы объем совокупного потребления общества был постоянным, максимизация полезности достигалась бы просто перераспределением дохода, обеспечивающим совер-

⁷ Убедительный исторический анализ пагубного извращения Бентамом и Миллем методов исследования экономической жизни, впервые сформулированных Адамом Смитом, приводится в главе 7 книги Нормана (Norman 2018).

⁸ Английские слова «полезность» (*utility*) и «утилитаризм» имеют один корень. – *Прим. пер.*

шенно равное потребление для всех. Экономисты социал-демократического толка понимали, однако, что в действительности размеры общего потребительского «пирога» не остаются неизменными, а поскольку налоги снижают мотивацию к труду, пирог начал бы сокращаться. Для решения этой проблемы мотивации были разработаны сложные теории «оптимального налогообложения» и уравнения, решающие «проблему принципала и агента». По существу социально-экономическая политика социал-демократии стала постоянно усложняющейся системой методов перераспределения доходов с помощью налогов и минимизации сокращающейся мотивации к труду.

Вскоре стало ясно, что никакого «механического» способа, позволяющего делать выводы на основании «полезности» мер для отдельных индивидуумов о благополучии общества в целом и при этом отвечающего хотя бы минимальным требованиям логической последовательности, просто не существует. Экономисты нехотя соглашались с этим, но продолжали применять свои подходы. Большинство академических философов отказались от утилитаризма, признав его несостоятельным по многим пунктам, но экономисты предпочитали игнорировать эти вопросы. Утилитаризм оказался для них поразительно удобным инструментом. Справедливости ради следует сказать, что для решения многих вопросов государственной политики он и в самом деле может быть вполне достаточным; то, насколько вопиющей оказывается его неадекватность на практике, определяется, скорее, особенностями конкретной политики. Для решения простых проблем – например, «Следует ли строить дорогу именно здесь?» – он является иногда самым лучшим из всех возможных подходов. Но при решении многих более масштабных вопросов он оказывается безнадежно неадекватным.

Экономисты, вооруженные своей утилитаристской арифметикой, вскоре начали заниматься разработкой практически всей государственной политики. Платон воображал своих стражей философами, но на деле они чаще всего оказывались экономистами. Их базовая посылка о психопатии обычного человека служила обоснованием передачи властных полномочий им самим как моральному авангарду, а их идея о том, что целью государства является максимизация «полезности», служила обоснованием перераспределения возможностей потребления в пользу наиболее «нуждающихся». Без всякого явного намерения, и обычно незаметно, содержание социал-демократической политики изменилось и укрепление взаимных обязательств всех граждан друг перед другом перестало быть ее главной задачей.

Всё это в совокупности создало крайне нездоровую ситуацию. Все моральные обязательства стали делом государства, а ответственность за их выполнение возложил на себя этически благонадежный авангард. Граждане перестали быть ответственными моральными субъектами, их роль свелась к роли потребителей. Теперь социальный планировщик и сонм его ангелов-утилитаристов лучше всех знали, «как надо»: коммунитаризм сменился социальным патернализмом.

Хрестоматийной иллюстрацией такого самодовольного патернализма может служить послевоенное планирование городов. Рост автомобильного парка требовал строительства эстакад, а рост населения – нового жилья. В результате целые улицы и кварталы сносились и заменялись суперсовременными эстакадами и многоэтажными строениями. Но, к большому недоумению утилитаристского авангарда, эта политика встречала сопротивление. Снос старых районов был бы оправданным, если бы вопрос сводился только к улучшению материальных условий жизни бедных граждан. Но одновременно он угрожал существованию человеческих сообществ, которые делают саму жизнь людей осмысленной.

Недавние исследования в области социальной психологии позволяют лучше понять причины такого сопротивления. В блестящей книге Джонатана Хайдта приводятся данные о ценностях, которые признаются основополагающими в разных частях света. Автор приходит к выводу, что почти везде люди ставят выше всех прочих следующие шесть ценностей: верность,

справедливость, свободу, иерархию, заботу о других и почитание святынь⁹. Идеи взаимной ответственности, зародившиеся в лоне кооперативного движения, были основаны на ценностях верности и справедливости. Утилитаристский подход патерналистского авангарда, классическим образцом политики которого был снос старых жилых кварталов, подрывал обе эти ценности, покушаясь также на такую ценность, как свобода выбора, а недавние исследования в области социальной психологии, дополненные новыми открытиями нейробиологии, показали, что модернистский дизайн, столь близкий сердцу градостроителей, на самом деле вредил благополучию людей, так как он не соответствовал общим эстетическим ценностям. Но почему же авангард не сумел распознать эти моральные дефекты своей политики? Хайдт отвечает и на этот вопрос: его ценности оказались нетипичными. Вместо шести ценностей, разделяемых большинством людей, авангард ограничился двумя: «забота о ближних» и «равенство». Нетипичным был не только набор его ценностей, но и главные черты тех, кто в него входил. Хайдт обобщил эти черты своим сокращением WEIRD¹⁰, которым он определил образованных людей, живущих в богатых промышленно развитых западных странах. Забота о ближних и равенство – это ценности утилитаризма, а WEIRD – обозначение сторонников этих странных ценностей. Хорошее образование повышает нашу эмпатию и учит нас ставить себя на место других¹¹, но на практике оно часто дает обратный результат, отдаляя тех, кто добился успеха в жизни, от забот и тревог их менее удачливых соседей. Благодаря той уверенности в себе, которую давало представителям авангарда их меритократическое превосходство, они с легкостью начали воображать себя новыми платоновскими стражами, которые вправе не считаться с ценностями других. Подозреваю, что, если бы Хайдт пошел дальше в своем анализе, он пришел бы к выводу, что, хотя внешне WEIRD относятся к иерархиям негативно, это касается только иерархий, унаследованных от прошлого. Новую иерархию они воспринимают как данность, являясь сами новой меритократией.

Реакция против патернализма начала нарастать в 1970-е годы. В принципе она могла быть направлена против недооценки верности и справедливости и за возрождение коммунизма, но на деле она оказалась направлена против пренебрежения свободой и требовала защиты индивида от попраания его прав государством, обращаясь к его *естественным правам*. Бентам называл саму идею естественных прав «высокопарной чепухой», и в этом, полагаю, он был прав. Но политики, борясь за голоса избирателей, начали понимать, что провозглашение новых прав – это удобная тактика. Идея защиты прав звучала «принципиальнее» простых обещаний дополнительных расходов, и если явные обещания могли ставиться под вопрос ввиду связанных с ними расходов и налоговых последствий, то разговоры о правах позволяли особенно не распространяться о связанных с ними обязательствах. Кооперативное движение прочно увязывало права и обязанности; утилитаристы забрали у индивидуума и права, и обязанности, передав их государству. Теперь же либертарианцы вернули индивидууму его права, но не его обязанности.

Сторонники прав индивидуума блокировались с новым политическим движением в защиту прав: защитниками прав социально ущемленных *групп*. Движение, начатое афроамериканцами, было затем подхвачено феминизмом. Оно нашло и своего философа: это был Джон Ролз, который противопоставил бентамовской критике идеи естественных прав другой высший принцип разума: общество может считаться нравственным, если его законы созданы во

⁹ Haidt (2012).

¹⁰ WEIRD: Western – западный, Educated – образованный, Industrial – промышленный, Rich – богатый и Developed – развитый; в английском языке слово «weird» означает также «странный», «причудливый». – Прим. пер.

¹¹ Стивен Пинкер (Pinker 2011; Пинкер 2020) приводит блестящий пример того, как распространение массовой грамотности в середине XIX века породило массовый спрос на романы. Читая романы, люди учились смотреть на вещи с точки зрения другого человека, как бы «проходя курс» сопереживания. Пинкер считает, что следствием этого стало падение популярности такого зрелища, как публичные казни.

благо наименее привилегированных групп. Главной целью этих движений было обеспечение участия этих групп в общественной жизни на равных правах с другими, при этом и у афроамериканцев, и у женщин имелись самые веские поводы требовать глубоких социальных перемен. Как мы увидим ниже, общественные обычаи и традиции могут быть чрезвычайно стойкими, поэтому обеспечение такого участия неизбежно должно было потребовать переходного этапа – этапа борьбы против дискриминации. Полвека спустя мы все еще не вышли из этого переходного этапа, но в этом процессе те движения, которые начались как движения за равноправие, приобрели (возможно, без первоначального намерения) характер жестко очерченных групп, настроенных на конфронтацию: восприятие другой группы как врага усиливает энергию борьбы¹². Повестка защиты прав получила самое широкое распространение: речь шла о правах индивидуума перед лицом патерналистского государства, о правах избирателей, которых политики периодически осыпали новыми льготами, а также о правах новых групп жертв, добивающихся особого отношения к себе. Между этими тремя группами соискателей прав было мало общего, но им всем не была близка идея органической увязки прав и обязанностей, которой удавалось добиваться социал-демократии, пока она сохраняла связь со своими коммуитаристскими корнями.

Утилитаристские принципы отстаивались экономистами; идеи защиты прав – юристами. По одним вопросам эти два авангарда находили общий язык, образуя чрезвычайно мощные лобби, по другим вопросам они сталкивались. Ролз и его последователи признавали, что защита прав некоторых не больших, но социально незащищенных групп может ухудшать благосостояние общества в целом и, таким образом, не отвечать основному критерию утилитаризма. Сначала превосходство в споре экономистами технократического толка и юристами было на стороне экономистов: идея обеспечения «наибольшего благосостояния для наибольшего числа людей» импонировала политикам, которым нужны были голоса. Но постепенно баланс сил сместился в пользу юристов, в руках которых было ядерное оружие судов.

Хотя эти две идеологии все больше расходились между собой, ни одна из них не жаловалась идеи, лежавшие в основе кооперативного движения. И утилитаристы, и ролзианцы, и либертарианцы ставили во главу угла интересы индивида, а не коллектива, при этом и экономисты утилитаристской школы, и юристы-ролзианцы больше подчеркивали различия между группами: первые – по признаку дохода, вторые – по признаку социальной ущемленности. И те и другие повлияли на политику социал-демократии. Экономисты утилитаристской школы выступали за перераспределение, диктуемое потребностями; система социальных гарантий была постепенно перестроена таким образом, что связь между правами на социальную помощь и взносами в социальные фонды была разомкнута, и такая обыденнейшая человеческая ценность, как справедливость, теперь игнорировалась. Те, кто не платил взносов в социальные фонды, имел преимущество перед теми, кто их платил. Юристы-ролзианцы требовали компенсаций тем, кто оказался социально ущемленным. Так, вопрос о правах беженцев стал главным приоритетом для социал-демократических сил Германии в ходе переговоров об условиях создания коалиции в 2018 году. Лидер партии Мартин Шульц настаивал на том, что «Германия должна соблюдать международное право независимо от настроений, господствующих в стране»¹³. Это выражение – «независимо от настроений, господствующих в стране» – весьма типично для образа мыслей «морального авангарда». Шульц снискал бы одобрение и Бентама, и Ролза, но уже месяц спустя он был изгнан с поста руководителя партии в результате бунта, поднятого рядовым составом партии. Обе эти идеологии игнорируют то, что подсказывает моральный инстинкт рядового человека: взаимная поддержка важна, а некоторые вещи необходимо заслужить, – и ставят превыше всего один только принцип разума (хотя и понимаемый ими по-разному), проводи-

¹² Это принцип политической стратегии общий и для фашизма, и для марксизма.

¹³ Цит. по: Financial Times, January 5, 2018.

мый авангардом «тех, кто знает, как надо». В отличие от них кооперативное движение как раз исходило из этого нормального морального инстинкта: философской традиции, восходящей к Давиду Юму и Адаму Смиту. Собственно говоря, Джонатан Хайт самым определенным образом говорит о долге перед этими мыслителями и считает свою работу «первым шагом в возвращении к жизни проекта Юма».

Если левые интеллектуалы отказывались от практических коммунитаристских идей социал-демократии в пользу идеологием утилитаризма и ролзианства, то правоцентристские партии либо застревали в ностальгии с весьма жидкой идейной основой, либо захватывались группами интеллектуалов со столь же невнятными представлениями. Христианские демократы континентальной Европы, типичными представителями которых служат Сильвио Берлускони, Жак Ширак и Ангела Меркель, в основном предались ностальгии; консервативные и республиканские партии англоязычного мира предпочли идеологию. Философии Ролза была противопоставлена философия Роберта Нозика, согласно которой индивидуум обладает правом на свободу, которая выше интересов коллектива. Эта идея естественным образом смыкалась с новым направлением экономического анализа во главе с нобелевским лауреатом Милтоном Фридманом, согласно которому свобода в осуществлении частного интереса, ограничиваемая исключительно конкуренцией, дает более высокие результаты по сравнению с тем, чего можно достичь с помощью государственного вмешательства и планирования. Это направление составило интеллектуальную основу революций в сфере государственного регулирования, которые совершили Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер. Хотя новые идеологии левых и правых позиционировались как диаметрально противоположные, у них была общая черта: представление о приоритете интересов индивидуума и слабость к меритократии: моральному превосходству одной элиты (мыслимой левыми) противопоставлялось практически-жизненное превосходство другой (мыслимой правыми). Героями левых были самые нравственные, героями правых – самые богатые¹⁴.

Что же все-таки случилось с социал-демократией – почему от нее отказались и левые, и правые? В годы ее расцвета, в 1950–1960-е годы, с ней все было более или менее в порядке. Но хотя тогда социал-демократия была ведущим отрядом интеллектуалов, формировавших политику государства, она была детищем своего времени. Она вовсе не была провозвестницей универсальных истин (на что претендуют все идеологии), а выросла из конкретных условий своего времени, и ее идеи могли сохранять силу лишь при сохранении этих условий. Когда условия изменились, ее претензии на универсальность ее рецептов оказались совершенно несостоятельными. К концу 1970-х годов – периода, когда в США и Великобритании был достигнут максимальный уровень социального равноправия – предпосылки ее влияния уже начинали размываться, и восстание масс, которое привело к власти Рейгана и Тэтчер, уже набирало силу. Социал-демократия была у власти с 1945 года до 1970-х годов, поскольку она питалась за счет огромного, неосязаемого и не поддающегося количественной оценке ресурса, накопленного в годы Второй мировой войны: чувства общей принадлежности, возникшего благодаря крайнему напряжению сил наций, принесшему этим нациям победу. По мере того как этот ресурс таял, власть патерналистского государства стала вызывать растущее недовольство и раздражение.

С ослаблением социальных оснований социал-демократии истончался и ее интеллектуальный базис. С появлением нового направления мысли – «теории общественного выбора» – всеведущий платоновский страж, этот строитель планов на будущее для всех, был осмеян и забыт. Новая теория гласила, что решения по вопросам публичной политики – это, как правило, не итог размышлений удалившихся от мира святых, а результат взаимного давления и

¹⁴ Понятно, что не вписывающиеся в эту схему странные личности, которым удавалось быть одновременно и очень нравственными, и очень богатыми, такие как мой старый друг Джордж Сорос, оказывались настоящими злодеями, которым не доверяли ни те ни другие.

уравновешивания разных групп интересов, включая самих бюрократов. На бескорыстие планирующей инстанции можно было рассчитывать только до тех пор, пока людьми, принимавшими решения, двигало страстное желание защищать интересы всей нации, характерное для людей военного поколения. У утилитаризма как философии еще остаются отдельные группы приверженцев, но уже есть немало работ, в которых он подвергается уничтожающей критике¹⁵. Критике со стороны философов вторила критика со стороны таких социальных психологов, как Хайдт, показывавших, что ценности утилитаризма – это отнюдь не всеобщие истины. Подавляющее большинство человечества – это не корыстные тупицы, которых воображают в своих работах экономисты утилитаристской школы, а люди, которые, помимо заботы о ближнем, ценят также справедливость, верность, свободу, почитание святынь и иерархию. Обычный человек ничуть не более *эгоистичен*, чем представители социал-демократического авангарда, – он просто более *разносторонен*.

После того как новое либертарианство правых оказалось и более пагубным, и менее эффективным, чем ожидалось, левые вернулись к власти – но не к коммунитаризму. Теперь в них заправляли новые идеологи. Судя по всему, новый авангард вытеснил сторонников коммунитаризма, даже не заметив этого. Но это заметили простые люди – не в последнюю очередь потому, что некоторые из отстаивавшихся авангардом мер после того, как они перестали учитывать интересы местных сообществ, стали вредными и непопулярными. Авангард управлял государством, сидя в процветающих столичных центрах и направлял социальную помощь тем группам населения, которые он считал наиболее нуждающимися: «жертвам». Теперь новые тревоги появились и у тех слоев населения, которые часто «не добирали баллов» по формальным критериям социальной ущемленности, хотя видели при этом, что и их жизнь становится хуже, – как в абсолютном выражении, так и относительно более «модных» обиженных. Следствием присвоения группе статуса «жертвы» было то, что входившие в нее люди не могли ни в какой мере считаться ответственными за свое положение. Даже когда представители рабочего класса отвечали одному из признаков «жертв», это лишь давало им право на какой-то дополнительный объем потребления: такова была главная идея перераспределения по мысли утилитаристов. Идеи общего происхождения, «заслуженности» благ, достоинства и уважения, рождающиеся из взаимных обязанностей людей, настолько чужды этому учению, что они совершенно отсутствовали в дискурсе специалистов. Но обычно белым представителям рабочего класса не присваивали достоинства «жертвы»: вот что пишет *National Review*, издание стопроцентно WEIRD-овское по духу, по поводу снижения продолжительности жизни в этой группе населения: «они *заслуживают* того, чтобы умирать»¹⁶. Видимо, хотя все жертвы равны, некоторые из них «равнее» прочих.

На наших глазах разыгрывается трагедия. Люди моего поколения были свидетелями триумфальных достижений капитализма, обузданного коммунитаристской социал-демократией. Затем власть в социал-демократических партиях захватил новый авангард, который принес в них собственную этику и установил свои приоритеты. Сейчас, когда наши страны начали ощущать разрушительные побочные эффекты действия новых экономических сил, банкротство этой новой этики проявилось самым беспощадным образом. Несостоятельность капитализма сегодня, при господстве новых идеологий, так же очевидна, как успехи, которые были достигнуты в предыдущий период. Пока мы говорили о том, что пошло не так. Теперь пора поговорить о том, как это можно исправить.

¹⁵ Весьма интересный новый взгляд на эти проблемы содержится в книге Роджера Скрутона «О человеческой природе»: Scruton (2017).

¹⁶ Цит. по: Chua (2018).

Как это исправить?

Речи политиков, газеты, журналы и книжные магазины наших стран полны внешне убедительных рецептов: нужно заниматься профессиональным переобучением рабочих, нужно помогать семьям, оказывающимся в сложных условиях, нужно повысить налоги на богатых... Многие из них верны по духу, но затрагивают лишь какой-то один аспект новых проблем, стоящих перед нашим обществом, и не дают сколько-нибудь целостного ответа на них. Они редко доводятся до уровня практических и реализуемых стратегий, подкрепляемых фактическими свидетельствами их эффективности. Не считая рецептов, предлагаемых идеологами, они также не опираются на какую-то ясную систему этических принципов. Я постарался пойти дальше и попытаться последовательно разобраться, что именно пошло не так в нашем обществе, а затем предложить практические пути преодоления раскола, поразившего его на трех уровнях.

Социал-демократии необходима интеллектуальная перезагрузка, которая выведет ее из экзистенциального кризиса и позволит выработать теорию, способную выразить позиции всего центра политического спектра и найти поддержку тех, кто придерживается как левоцентристских, так и правоцентристских позиций. Я решаюсь на такой проект, столь грандиозный по «замаху», только потому, что более шестидесяти лет назад уже выходила книга, оказавшая колоссальное влияние на умы и решавшая именно такую задачу. Книга Энтони Кросленда «Будущее социализма» дала социал-демократии времен ее расцвета стройную и последовательную теоретическую основу. Кросленд решительно размежевался с марксистской идеологией, признав, что капитализм не только не является препятствием для массового благосостояния, но и абсолютно необходим для его достижения. Капитализм создает и дисциплинирует частные предприятия – организации, позволяющие людям использовать для своего блага преимущества массового производства и специализации. Маркс считал, что это будет порождать отчуждение – работа на капиталистов на крупных частных предприятиях будет неизбежно отделять процесс труда от радости труда, – и настаивал на том, что разделение труда делает человека «прикованным к отдельному малому обломку целого». Парадокс, однако, состоит в том, что отчуждение приняло наиболее уродливые формы именно при промышленном социализме, трудовая культура которого выражалась формулой «они делают вид, что платят нам, мы делаем вид, что работаем». Оказалось, что общество вовсе не обязано платить за благосостояние отчуждением и, принимая капитализм, мы вовсе не заключаем сделку с дьяволом. Многие прогрессивные частные компании дают своим работникам смысл жизни и достаточную экономическую независимость для того, чтобы они могли его реализовать. Их работники получают удовлетворение не только от вознаграждения за свой труд, но и от самого труда. Есть, конечно, много других компаний, о которых этого не скажешь, и много людей, которые «застревают» в низкооплачиваемых видах деятельности, не приносящих никакого удовлетворения. Чтобы давать благосостояние всем, капитализм должен быть организован таким образом, чтобы обеспечивать человеку не только трудовой доход, но и осмысленную жизнь. Но в этом и состоит главный вопрос: капитализм нужно не «свергать», а правильно устроить.

Кросленд был прагматиком; он считал, что любую политику следует оценивать по тому, насколько она способна обеспечивать решение поставленных задач, а не по степени ее соответствия идеологическим догматам. Центральная посылка прагматической философии состоит в том, что, поскольку общество меняется, не следует рассчитывать на открытие вечных истин. Книга Кросленда не была библией на все будущие времена: это была стратегия, отвечавшая задачам своего времени. Хотя автор испытывал разумное недоверие к высокомерному патернализму представителей авангарда, его представления о благосостоянии были столь же ограниченными и сводились к равенству в личном потреблении. «Будущее капитализма» – это

не римейк «Будущего социализма». Это попытка последовательно сформулировать комплекс мер, позволяющих решать наши новые проблемы.

Академическая наука разделяется на области все более узкой специализации. Это дает определенные преимущества с точки зрения глубины знаний, но задача, которая ставится в данной книге, охватывает целый ряд таких специализированных областей. Она стала возможной только потому, что я многому научился в совместной работе с необычайно широким кругом всемирно известных специалистов. Новое социальное расслоение отчасти обусловлено изменениями в самоидентификации людей, и от Джорджа Акерлофа я узнал о новых психологических и экономических явлениях, характеризующих поведение людей в группах. Оно обусловлено также перекосами в развитии процессов глобализации, и от Тони Венаблса я узнал о новых экономических характеристиках агломерационных процессов, развивающихся в столичных регионах, и о том, почему провинциальные города могут приходить в упадок. Кроме того, оно связано с деградацией норм поведения частного бизнеса, и от Колина Майера я узнал, что можно противопоставить процессам обесмысливания человеческой деятельности. Но прежде всего это расслоение связано с тем, что контроль над выработкой публичной политики перешел под контроль утилитаристов, и от Тима Бесли я узнал о новом синтезе теории морали и политической экономии, а от Криса Хуквея – об истоках философии прагматизма.

Хотя я попытался связать воедино идеи и догадки этих гигантов мысли в виде некоей теоретической основы предлагаемых мной практических мер, никто из них не может считаться ответственным за результат¹⁷. Критики будут искать в этой книге места, которые можно оспорить, и такие места, без сомнения, найдутся. И все же это серьезная попытка применить новые направления научной мысли в поиске решений новых проблем, поразивших наше общество. Я надеюсь, что она, как и «Будущее социализма», сможет послужить платформой, на которой партии политического центра, оказавшиеся в глубоком кризисе, смогут перегруппировать свои силы.

Капиталистическое общество должно не только обеспечивать материальное процветание, но и быть нравственным. В следующей главе я ставлю под вопрос представление о человечестве как об агрегате жадных и эгоистичных *homo economicus*. К сожалению, мы видим явные признаки того, что некоторые студенты экономических факультетов начинают и в самом деле соответствовать этому типу поведения, хотя это скорее исключение, чем правило. В жизни большинства из нас человеческие отношения играют фундаментальную роль, однако отношения неизбежно порождают обязательства. Люди принимают на себя взаимные обязанности, составляющие основу функционирования человеческого сообщества, и они чрезвычайно важны для нас. Борьба между эгоизмом и соблюдением взаимных обязанностей, между индивидуализмом и общественным началом разыгрывается во всех трех главных сферах нашей жизни: в государственной сфере, на частном предприятии и в семье. В последние десятилетия в каждой из этих сфер наблюдается агрессивное наступление индивидуализма, теснящего

¹⁷ Джордж Акерлоф – лауреат Нобелевской премии в области экономики. Совместно с Рэйчел Крэнтон и Дэннисом Сноуэром мы основали Ассоциацию экономического анализа групп идентификации, идей и норм. Тони Венаблс – всемирно известный специалист в области экономической географии. Последние три года мы совместно вели исследовательский проект в области экономической теории урбанизации. Колин Майер – профессор финансов Оксфордского университета, бывший директор Оксфордской бизнес-школы и руководитель программы Британской академии «Будущее корпорации». Его книга «Благосостояние: лучшее предприятие – это большее благо» (2018) фактически является парой к этой книге. Последние три года мы вместе работали над проблемами стимулирования инвестиций для развития отсталых регионов. Профессор Тим Бесли в настоящее время является президентом Общества эконометрических исследований; до этого он был президентом Европейской экономической ассоциации и редактором *American Economic Review*. В настоящее время мы совместно руководим работой комиссии Британской академии по проблеме уязвимости государств. Профессор Крис Хуквей – ведущий мировой исследователь творчества Ч. Пирса и истоков философской школы прагматизма. Он являлся президентом Общества Ч. Пирса и редактором *European Journal of Philosophy*. По случаю его выхода на пенсию в 2015 г. в его честь была организована научная конференция «Идея прагматизма». Так случилось, что Крис Хуквей – мой самый старый друг.

общественное начало. Для каждой из этих сфер я предлагаю какие-то меры возрождения и усиления общественной морали, способные поправить сложившийся баланс сил.

Опираясь на незыблемый фундамент такой практической коммунитаристской морали, я рассматриваю явления раскола и расслоения, поразившие наше общество. Новый территориальный разрыв – между метрополисами, переживающими экономический бум, и депрессивными провинциальными городами – можно преодолеть, но это требует радикально нового мышления. Столичные регионы получают колоссальную экономическую ренту, которая должна доставаться всему обществу, но решение этой задачи требует значительной реорганизации всей системы налогообложения. Оживление депрессивных городов реально, но пока здесь удалось достичь немногого. Ни рынок, ни государственное вмешательство не дали здесь сколько-нибудь значительных результатов. Для успешного решения этих проблем необходимо согласованное и длительное применение целого ряда совершенно новых подходов.

Острота нового классового расслоения – между процветающим образованным сословием и впадающими в отчаяние менее образованными слоями – также может быть смягчена. Но никакой отдельный инструмент регулирования не способен преодолеть отчаяние. Утилитаристы озабочены исключительно потреблением, но эта проблема слишком глубока, чтобы ее можно было решить простым увеличением возможностей потребления через наращивание социальных пособий. Для расширения жизненных перспектив людей потребуются еще более широкий спектр мер, чем для решения проблемы депрессивных городов, причем они должны быть направлены не только на отдельного человека, но и на круг близких ему людей. Государство должно поддерживать семьи, оказывающиеся в трудных обстоятельствах, но не брать на себя задачи родителей. Во многих случаях проблемы отчаяния одних еще более обостряются тщеславием и заносчивостью других – людей, получивших хорошее образование и востребованную профессию. Самые неприятные и вредные проявления такого поведения, наверное, можно ограничивать, но и в этом случае дело не просто в чрезмерном потреблении, которое можно сократить с помощью налогов.

Что касается глобального разрыва, то самоуверенный патерналистский авангард, соблазненный ожиданиями постнационального будущего, испытывал слишком оптимистичные ожидания от глобализации. Между тем формы использования глобальных возможностей, которые могут быть вполне рациональными с точки зрения интересов одного человека, не обязательно благотворны для всего общества. В среде экономистов вполне обоснованные доводы против высоких торговых барьеров постепенно свелись к безоговорочному энтузиазму по поводу либерализации торговли. Выгоды, извлекаемые странами из торговли, обычно достаточны для того, чтобы выигрывающие от нее стороны *могли* полностью возместить потери проигрывающих сторон, однако экономисты, во весь голос отстаивая свободу торговли, совершенно умалчивают о возможности такого возмещения. Без такого возмещения утверждения о том, что от торговли выигрывает все общество в целом, теряют всякое доказательное основание. Вполне обоснованная защита прав расовых меньшинств свелась к защите иммиграции, не допускающей никаких исключений. Между тем торговля и миграция, хотя их помещают под общей рубрикой «глобализации», – это весьма различные экономические процессы: первый обусловлен *сравнительными* преимуществами, второй – *абсолютными*. Нет никаких научных оснований считать, что миграция приносит экономические выгоды странам, в которые приезжают мигранты, или странам, из которых они уезжают; единственный, кто получает бесспорные преимущества, – это сами мигранты.

Манифест

Капитализм достиг многого и создает необходимые условия для материального благосостояния, но сентенции в духе доктора Панглоса¹⁸ – это еще не экономическая наука. Ни один из трех новых социальных расколов не может быть преодолен действием одних только рыночных сил и частного интереса: тот, кто в этой ситуации предлагает просто «настроиться на веселую волну и получать удовольствие», не только лишен какого-то чувства гармонии, но и проявляет неоправданное благодушие. Нам нужна активная публичная политика, но социальный патернализм в этой роли уже не раз оказывался несостоятельным. Левые исходили из того, что государство лучше всех знает, что нужно делать. К сожалению, это не так. Предполагалось, что государство с авангардом во главе будет единственной инстанцией, действующей исходя из моральных принципов. Такой взгляд безмерно преувеличивал способность государства к моральному поведению и, соответственно, вовсе не принимал во внимание моральную интуицию семьи и частного предприятия. Правые свято верили в мантру либертарианцев о том, что сбрасывание цепей государственного регулирования освободит частный интерес и позволит ему обогатить всех. Тем самым они безмерно преувеличивали магическую силу рынка и, соответственно, игнорировали ограничения, налагаемые моралью. Нам необходимо государство, которое будет активным, но согласится на более скромную роль; нам необходим рынок, свобода которого будет ограничиваться необходимостью социально осмысленной деятельности, имеющей свою прочную основу в моральных принципах.

За неимением лучшего термина я называю предлагаемые мной меры, направленные на излечение этих недугов, *социальным матернализмом*. Государство играло бы активную роль как в экономической, так и в социальной сфере, не наращивая при этом явным образом свою власть и полномочия. Его налоговая политика ограничивала бы возможности влиятельных слоев общества присваивать доход, который они не заслужили, но оно не изымало бы при этом со злорадным торжеством доходы богатых для передачи их бедным. Его нормы предусматривали бы право тех, чьи интересы оказываются ущемленными в процессе «созидательного разрушения» и конкуренции,двигающих экономический прогресс, требовать возмещения, но оно не пыталось бы тормозить тот самый процесс, который обеспечивает капитализму его поразительный динамизм¹⁹. Его патриотизм выражался бы в стремлении людей к единству, которое сменило бы сегодняшнюю чрезмерную заботу об отдельных группах, объединенных «самосознанием обиженных». Глубинная философская основа этого комплекса идей – отказ от идеологии. Я не имею при этом в виду какую-то произвольную мешанину идей, которая придет ей на смену. Я имею в виду готовность признавать наши столь разные и интуитивно осознаваемые моральные ценности, а также прагматичную готовность идти на взаимные уступки, необходимые ввиду их разнообразия. Подход, основанный на игнорировании ценностей и замене их каким-то единым и абсолютным принципом разума, неизбежно сеет рознь и смуту между людьми. Признание наших различных ценностей идет из философии Давида Юма и Адама Смита. Политика, предлагаемая в этой книге, не укладывается в узкие рамки противопостав-

¹⁸ Герой повести Вольтера «Кандид», проповедующий безбрежный оптимизм. Его самое известное выражение: «Всё к лучшему в нашем лучшем из миров». – *Прим. пер.*

¹⁹ «Созидательное разрушение» – процесс, в ходе которого эффективные компании вытесняют с рынка менее эффективные в ходе конкуренции. Именно он в значительной степени является причиной постепенного роста средних доходов. Термин был пущен в оборот Йозефом Шумпетером (Schumpeter 1942; Шумпетер 1995), который называл этот процесс «самой сущностью капитализма». Именно поэтому все другие «-измы» при всем их романтическом обаянии в лучшем случае неприменимы. Будущее нашего общества будет зависеть от нашей способности реформировать капитализм, а не свергнуть его.

ления «левые-правые», которое было типичным для самых мрачных периодов прошлого столетия и возрождается сегодня с новой силой²⁰.

Виновниками катастроф XX века были политические лидеры, которые либо страстно верили в ту или иную идеологию – то есть были «людьми принципа», – либо были популистами и харизматическими вождями (и обычно это были мужчины). В отличие от таких идеологов и популистов, лидеры, добившиеся в том же столетии наибольших успехов, были прагматиками. Ли Куан Ю, пришедший к власти в стране, погрязшей в коррупции и бедности, повел прямое наступление на коррупцию и превратил Сингапур в самую процветающую страну XXI века. Пьер Трюдо, придя к власти в стране настолько расколотой, что перед ней стояла угроза отделения одной ее части, сумел ослабить напор квебекского сепаратизма и построил нацию, которая может гордиться своими достижениями. Поль Кагаме поднял Руанду из руин, в которых она оказалась в результате геноцида, и вновь сделал ее нормальной страной. Джонатан Тепперман проанализировал в своей книге «Решение» деятельность десяти таких лидеров, ища формулу, которая помогла каждому из них решить серьезные проблемы своей страны. Он пришел к выводу, что их общей чертой было то, что они сторонились идеологии, сосредоточивали свое внимание на практических способах решения главных проблем и приспособляясь к ситуации по мере ее изменения²¹. Они были готовы идти на жесткие меры там, где это было необходимо: залогом их успеха была их решимость лишить покровительства те или иные влиятельные группировки. Ли Куан Ю решил отправить в тюрьму своих друзей; Трюдо отказался предоставить жителям Квебека, своим соотечественникам, независимый статус, которого они энергично добивались; Кагаме не дал своей собственной группировке, состоящей из представителей народа тутси, традиционным способом воспользоваться плодами военной победы. Прежде чем добиться окончательного успеха, все эти лидеры подвергались острейшей критике.

Прагматизм этой книги твердо и последовательно опирается на моральные ценности. Но я избегаю идеологии, и поэтому моя книга неизбежно вызовет неудовольствие идеологов всех мастей. Сегодня именно они занимают господствующие позиции в средствах массовой информации. Причисление себя к «левым» стало дешевым способом приписать себе моральное превосходство. Причисление себя к «правым» стало дешевым способом представить себя «реалистом». Я предлагаю вам заглянуть в будущее этического капитализма. Добро пожаловать в лагерь убежденного центра.

²⁰ Элементы, составляющие ее основание – прагматизм, благосостояние, общественная направленность, этика и социальная психология, – вполне согласуются друг с другом. Это объясняется тем, что все они были заложены еще Давидом Юмом и его другом Адамом Смитом. Как пишет биограф Адама Смита Джес Норман (Norman 2018), Смит был прагматистом, и у него мы находим истоки философии прагматизма: «В наше время значение его ньютоновской философии науки было наиболее глубоко исследовано в работах Пирса», основателя прагматизма. Этика Смита и Юма была определенно коммунитаристской: Норман ясно показывает, что они вовсе не были протоутилитаристами.

²¹ Tepperman (2016).

Часть II

Возвращение к этике

2

Основы нравственности: от эгоистичного гена к этической группе

Современный капитализм способен обеспечить всем нам беспрецедентный уровень благосостояния, но он морально несостоятелен и впереди его ждут трагические потрясения. Люди нуждаются в смысле жизни, и капитализм не дает им этого. И однако это возможно. Реальный смысл существования современного капитализма – это обеспечение массового благосостояния. Может быть благодаря тому, что я сам родился в бедной семье и работаю в бедных странах, я понимаю, что это вполне достойная задача. Но одной этой задачи недостаточно. В благополучном обществе люди *расцветают* и настроены позитивно, потому что материальное благосостояние дополняется чувством общей принадлежности и уважения друг к другу. Материальное благосостояние можно измерить уровнем дохода, а его противоположность – это бедность, доводящая людей до отчаяния. Более или менее адекватным показателем общественного процветания в настоящее время служит понятие «благополучия» (well-being), а его противоположность – это состояние изоляции и унижения.

Изучая экономические науки, я узнал, что децентрализованная рыночная конкуренция – этот главный мотор капитализма – есть единственный способ обеспечить материальное благосостояние общества. Но из чего складываются другие аспекты его благополучия?

В то время как homo economicus предполагается ленивым, такое целенаправленное действие, как труд, важно для того, чтобы человек мог уважать себя²². И в то время как homo economicus считается только с собственной самооценкой, то чувство принадлежности к сообществу основано на взаимном уважении людей. Нравственный капитализм, обеспечивающий не только материальное благосостояние, но и взаимное уважение людей и чувство их принадлежности к сообществу – вовсе не оксюморон. Понятно, однако, что многие люди так думают; они считают капитализм непоправимо порочной системой, единственной движущей силой которой является жажда наживы.

В ответ на эту критику сторонники капитализма часто бездумно повторяют марксистскую догму о том, что «цель оправдывает средства». Это принципиальная ошибка; капитализм, если бы его единственным мотивом была нажива, потерпел бы такое же фиаско, как марксизм, принесший людям унижение и вражду вместо массового благосостояния. Правда, сегодняшний капитализм и в самом деле толкает общество именно к этому. В этой книге описан иной путь, и на этом пути средства к достижению цели имеют моральный смысл. Для такой «перегрузки» мало одних только прекрасноречивых призывов, которые выдумывают PR-службы корпораций или завсегдатаи Давоса.

Во второй части книги изложены моральные основания, на которые опираются предлагаемые решения. В третьей части рассмотрены практические решения, которые позволят оста-

²² Сегодня наилучшим практическим измерителем благополучия считается десятиступенчатая шкала, соответствующая подъему человека по «жизненной лестнице» от наихудших к наилучшим представимым обстоятельствам. Оказалось, что она служит более надежным способом измерения, чем прямые вопросы людям о «довольстве жизнью», ответы на которые могут меняться под влиянием сиюминутного настроения. Результаты опросов на основе показателей «жизненной лестницы» опубликованы в документе World Happiness Report 2017.

новить углубление социального расслоения в нашем обществе. В настоящей главе мы говорим о том, как наша мораль связана с нашими эмоциями, как они развиваются и какие проблемы здесь могут возникнуть²³.

Желания и долженствование

Бойкие защитники капитализма, настаивающие на том, что цель оправдывает средства, ссылаются на общеизвестное положение Адама Смита из его книги «Исследование о природе и причинах богатства народов», согласно которому преследование частных интересов имеет своим результатом всеобщее благо. Принцип «алчность – это хорошо» стал интеллектуальным оправданием рейганизма и тэтчеризма и дал этим революциям их энергию. На самом деле мысль Смита – это важный корректив к наивному представлению о том, что действие является благим, если в его основе лежат благие мотивы. Но в основу современной экономической науки, которая выросла из книги Смита, опубликованной в 1776 году, был положен поистине презренный тип. Номо еconomicus – это эгоистичный, жадный и ленивый субъект. Такие люди действительно есть, порой мы встречаем их в реальной жизни. Но даже миллиардеры не таковы: те, с которыми я знаком, – это одержимые трудоголики, подчинившие свою жизнь той или иной цели, далеко не ограничивающейся их личным потреблением. Многие экономисты готовы были бы согласиться с этими уточнениями, но их уверения в том, что они вовсе ни при чем, вступают в противоречие с неприятными фактами: люди, изучающие экономические науки, определенно становятся более эгоистичными²⁴, а допущения о порочности человека, лежащие в основе моделей, используемых нами при выработке политики, требуют серьезного обсуждения²⁵.

Смит, однако, вовсе не считал, что мы являемся экземплярами homo еconomicus²⁶. Он воспринимал любого мясника и булочника не просто как индивидов, преследующих частные интересы, а как членов общества, руководствующихся моральными мотивами. Компьютер прогнозирует поведение homo еconomicus исходя из аксиом разумного эгоизма, но мы сами предсказываем действия мясника и булочника, ставя себя на их место, и такой подход именуется «теорией чужого сознания» («theory of mind»). Смит признавал, что взгляд на человека «изнутри» позволяет нам не только понимать его, но и побуждает нас проявлять заботу о нем и оценивать его нравственный облик. В подобных чувствах сопереживания и таком суждении он видел основу нравственности, которая создает дистанцию между тем, что нам *хочется*

²³ Существует немало убедительных доводов в пользу того, что даже наши эмоции имеют в конечном счете социальный генезис. См.: Feldman Barrett (2017); Фельдман Баррет (2018).

²⁴ См.: Etzioni (2015).

²⁵ Одним из примеров может служить внедрение культуры вознаграждений бонусного типа для государственных чиновников.

²⁶ Как раз когда я заканчивал работу над этой книгой Тим Бесли познакомил меня с философом и политиком Джессом Норманом, который тогда сам только что закончил книгу о философии Адама Смита. С некоторым внутренним трепетом я обменялся с ним рукописями. Я узнал очень многое, и кое-что из этого найдет отражение в тексте книги ниже, но я с облегчением понял, что мое изложение идей Смита не заставит его ворочаться в гробу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.